

АНАСТАСИЯ
СОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЦЕРБЕР

ДОЧЬ ВРАГА

Анастасия Сова

Цербер. Дочь врага

«Автор»

2023

Сова А.

Цербер. Дочь врага / А. Сова — «Автор», 2023

– Ты делаешь мне больно! – шиплю, но ему плевать. Ратмир прижимает меня к стене всем своим телом, потому что считает, что имеет на это право. – Ты теперь моя! Буду делать все, что захочу... Ничто не заставит меня остановиться, – жар его дыхания будто сжигает меня дотла. – Пожалуйста... – обида и страх душат. – Твой отец предал меня, Ассоль. Спалил мою жизнь до самого основания. И теперь я поступлю так же. Заберу у него самое дорогое... тебя. Безжалостный и свирепый отшельник. Легенда и страх криминального мира. Я думала, он спас меня, но ошиблась. Спасаться нужно от него самого.

© Сова А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анастасия Сова

Цербер. Дочь врага

Глава 1

Ассоль

– Ну, давай, давай! – умяляю машинку, которая, как назло, все больше и больше вязнет в снегу. А тот валит с такой силой, точно небо прорвало.

Дворники беспомощно пытаются очистить стекло, но его тут же заваливает новыми хлопьями.

– Давай, пожалуйста! – пробую сдать назад, но кроме бестолково жужжащих колес никакого результата.

Села в сугроб окончательно.

Угроздило же поехать! Угроздило же послушать дурацкий навигатор!

– Найден более короткий маршрут! – передразниваю айфон, желая раздробить на кусочки адскую шутовину, заведшую меня по неизвестной тропе в какую-то лесную глушь.

– Потеряно соединение со спутником, – точно нарочно, с издевкой выдает мобильный.

– Ну, класс! – скидываю руки.

Слезы подступают к глазам, и я сдерживаю их как могу. Нужно сейчас же позвонить отцу. Он пришлет своих мордоворотов, и меня вытащат отсюда. И будет все хорошо. Конечно, огребу от папы по первое число. Но это уже неважно.

Срываю телефон с подставки и с ужасом понимаю, что связи нет. Совсем. Наверное, нужно выйти на улицу.

Дверь чертит узор на снежном насте. Выбрала же погоду!

Меня тут же обдает холодом. Он беспощадно забирается под юбку. Снежные хлопья летят прямо в глаза.

– Блин! – глубоко утопаю в сугробе, и снег забивается в сапоги. Неприятно морозит кожу.

– Помочь?! – от неожиданного вопроса я подскакиваю на месте.

Сердце забивается в горле, а я судорожно пытаюсь понять, откуда тут мог взяться человек?

Да еще такой...

Здоровенный, как откормленный бычара. В занесенном снегом тулупе. С топором, висящем на петле у мощного бедра. И с крупным бревном на плече. Такое обычному человеку и не поднять. А этот как пушинку держит.

– Помочь, говорю?! – недовольно повторяет свой вопрос. Голос грубый.

Йети что ли? А говорят, их не существует.

Пялюсь на незнакомца, не в силах произнести ни слова. Зубы начинают стучать от холода.

– Связи здесь нет. Бензина до утра не хватит. Жопу свою тощую отморозишь, – нагоняет страху мужик, вообще не заботясь о том, что я сейчас чувствую.

– Толкнете? – только и получается выдавить из себя. Стараюсь ниже натянуть короткую шубку, улавливая заинтересованный мужской взгляд на своих бедрах.

У моего отца полно жутких головорезов, вот только ни один из них не вызывает таких чувств. А этот хоть и выглядит прилично, как обычный деревенский мужик, только громадный, но в нем на расстоянии ощущаешь давящую силу. Ауру хищника. Опасность.

– Короче, расклад такой. Идешь со мной, а завтра трактором вытащим твою тачку.

– А почему не сейчас?

Здоровяк, наверное, не в курсе, но впечатления добродушного помощника он не производит. Тут еще подумать надо, что лучше: насмерть в машине замерзнуть или с ним пойти. Замахнется своим сверкающим топором – и нет меня.

– Идешь или нет? – никаких пояснений.

С надеждой смотрю на телефон, но линии связи не подают никаких признаков жизни. Удрать бы. Потому отступаю на шаг назад. Вот только куда удирать? И получится ли? Вряд ли...

– Ну, как хочешь, – без эмоций выдает незнакомец и, поправив бревно на плече, удаляется в сторону леса.

Я еще какое-то время мнусь на месте, а потом все же кричу громиле вслед:

– Стойте! Подождите! Я с вами пойду!

Сама не понимаю, как принимаю такое решение, но перспектива остаться одной посреди лесного массива, да еще и в темноте без всяких средств связи пугает меня гораздо больше. Я когда об этом думаю, меня одолевает настоящий ужас. Побольше, чем от вида мужика с топором.

Он не останавливается, но я, закрыв машину, бросаюсь за ним. Утопаю в глубоких сугробах, стараясь ступать по широким мужским следам. Мокрый снег облепляет лицо, одежда становится неприлично влажной. В сапогах образуются настоящие сугробы.

– Да, стойте вы! Я не успеваю! – кричу ему в след.

– Жить хочешь, поспеешь! – бросает он даже не оборачиваясь.

Вот, урод! Деревенщина неотесанная и грубая.

Я пыхчу, шмыгаю носом, но довольно быстро выбиваюсь из сил. От безысходности падаю прямо в снег, понимая, что дальше идти не смогу. Все. Выдохлась. От обиды всхлипываю. Как теперь вернуться к машине?! И даже не успеваю понять, как огромная лапища вытаскивает меня из сугроба, и я оказываюсь на плече мужика. А на другое он снова закидывает крупное бревно, с которым не расстанется.

Огромная ладонь со стальными пальцами приземляется на мою задницу. Даже через платье и колготки понимаю, какая она горячая, несмотря на лютый, как мне кажется, холод.

– Эй! – одергиваю спасителя. – Вы не могли бы... руку подвинуть?

– Так? – слышу в ответ и ощущаю, как лапища спускается ниже.

Крупные пальцы теперь неприлично касаются моей промежности, и верзила безо всякого смущения, точно невзначай, надавливает на складочки.

– Да вы... – давлюсь воздухом.

– Если будешь строить из себя сраную принцессу, тут оставлю, – ладонь возвращается на прежнее место.

– Что? – перестраиваю. Он совсем что ли?

– Что слышала. Я гостей не жалую, так что лучше тебе не бухтеть.

Вот и зачем я пошла с ним? Дура! Зачем вообще поехала сюда?

Только теперь больше ничего не останется, и я безвольно повисаю на плече захватчика. Варвара настоящего. Сильного и, похоже, одичавшего.

Страшно даже подумать, что он может сделать со мной? Но я ведь сама виновата и теперь ничего не исправить...

Вскоре мы доходим до деревни. Дом на окраине. Слышу скрип калитки, потом вижу, как старенькая дверь захлопывается обратно, когда мы проходим.

Кажется, бревно летит в снег.

Несколько ступенек, снова скрип, и жар теплого дома захватывает меня в свои объятия.

Незнакомец проходит в дом и без особых церемоний сваливает меня на кресло. Слежу за ним. Взгляда не спускаю.

Спаситель хватает с полочки банку с таблетками, высыпает на ладонь пару штук, а затем отправляет их в рот, запивая водой из металлической кружки. «Что это? Наркоман что ли?» – думаю про себя, пока не замечаю на внешних сторонах его ладоней жуткие татуировки в виде когтистых медвежьих лап.

Меня тут же охватывает первобытный ужас. Ведь я знаю, кому такие принадлежат... И... лучше бы он был наркоманом...

Глава 2

Ассоль

Цербер. Так его называли. Правая рука отца. Предатель, решивший сдать папу своей семье. Вот только его давно считают мертвым.

– И? – спрашиваю, но больше сама у себя. – Что дальше?

– Раздевайся, – гремит голос мужчины.

Этот маленький старый дом будто полностью заполнен им. Его запахом. Терпким ароматом, который я стала отчетливо ощущать только теперь, осознав все. Его аурой. Силой, прямо сейчас сжимающей меня со всех сторон.

Тогда я была еще ребенком, но много слышала про человека, способного на ужасные зверства. Говорили, не стоило вставать у него на пути. За это папа и ценил зверюгу. А потом... пришлось его усыпить.

– Оглохла? – глядит на меня, как на мелкую мушку. Взгляд недовольный.

А я пошевелиться не могу. Тело отказывается подчиняться. Деру бы дать, пока не поздно, но ноги не слушаются. Точно онемели.

Да и куда бежать? По пути замерзну насмерть в каком-нибудь сугробе. И не факт, что эта зверюга в принципе меня отпустит.

– Будешь в мокром сидеть, воспаление подхватишь. Не похоже, чтобы была привыкшая в сугробах прохлаждаться.

Не заметив реакции, качает головой. Ставит чайник и сам начинает раздеваться.

– Хочешь свалить – дверь открыта. Только сомневаюсь, что дорогу до тачки найдешь. Наши следы замело уже.

Блин! Вот же попала! Глазам становится больно, и я зажмуриваюсь, точно это может хоть что-то изменить. Будто открою их, и лесного дикаря уже не будет рядом. Машина не застрянет в сугробе, а мне не придется искать спасения от холода.

Когда нахожу в себе силы открыть глаза, мужчина уже оказывается голым по пояс. Он развешивает вещи на веревке, отходящей в сторону от печки, и теперь я могу, не стесняясь рассмотреть его шикарное тело. Руки, полностью забитые всякими рисунками. Железные мышцы на спине.

Спаситель открывает дверцу печи. Под треск горящих дров, подкидывает еще несколько поленьев. Наблюдаю за напряжением стальных канатов мышц, как надуваются вены и без того слишком раздутые, отчетливо проступающие даже под чернотой татуировок.

Захлопнув дверцу, мужик снова поворачивается ко мне. Демонстрирует идеальное сложение, широкую грудь, что тяжело, но медленно вздымается, и напряженный рельефный пресс.

Каждое движение кричит о силе, перекатывая живую сталь под кожей. Да, такой разорвет и даже не запыхается.

Я не могу спросить его напрямую. Вдруг мужчина не узнал меня, ведь столько лет прошло, я была малышкой. Сдавать себя не хочется, но знать нужно.

– Что значат ваши татуировки? – стараюсь, чтобы голос был ровным, но от одолевших меня холода и волнения, в нем слышится напряжение.

– Ничего, – сухой ответ.

– Я слышала, на ладонях звериные лапы просто так не набивают, – продолжаю допытываться, что выглядит, наверное, очень странно.

– Ты не захочешь узнать ответ, – безразлично. В нем будто вообще нет никаких чувств. Как робот. Без души и сердца. А у меня клокочет все в груди. – И не узнаешь. Потому что сдохнешь от воспаления легких.

Очередной короткий безразличный взгляд в мою сторону, и его тон меняется на сердитый:

– Чего застыла? Раздевайся, я сказал.

И шагает к старому полотняному шкафу где-то в углу. Достает оттуда какие-то вещи. Возвращается ко мне. Подходит почти вплотную. Нависает скалой. Съеживаюсь. А звероподобный мужик всего лишь протягивает мне одежду и уже более спокойно произносит:

– Надевай. Мокрое у печки повесишь. До завтра просохнет.

Под его внимательным взглядом выхватываю вещи и прижимаю к себе, будто уже голая и пытаюсь закрыться. Такой взгляд у него... Точно лапает. Хватает руками, задевая самое сокровенное.

Мужчина хмыкает. Накидывает на плечи свой тулуп и выходит из дома, даже не застегнув его.

Быстро подрываюсь и начинаю раздеваться. Нужно успеть, пока он не вернулся. А то, что-то не вижу здесь других мест, где можно переодеться, укрывшись от чужого взгляда.

Мне выделены безразмерные носки, свитер крупной вязки и здоровенная футболка.

Без одежды становится теплее. Мокрыми оказываются даже бюстгальтер и трусики. Долго раздумываю, что с ними делать, но все же решаю снять. Вещи такие огромные, что почти полностью скроют меня, так что ничего страшного... наверное.

Как только успеваю расправить на себе мягкий свитер, дверь в дом распахивается, впуская морозный холод. Хозяин жилища входит с охапкой дров в руках. Кладет ее у печи.

Пройти и повесить мокрые вещи, получается лишь протискиваясь между мужчиной и столом в комнате.

Понимаю, что совершаю ошибку, когда приходится прижаться к его торсу своим телом. Мне кажется, его жар успел прожечь меня даже через объемный свитер.

Заинтересованный мужской взгляд сразу стреляет к зажатым в руке вместе с другой одеждой трусикам. Дура, блин! Идиотка несчастная! Я ведь совсем не подумал о том, что белье будет висеть на веревке вместе с другими вещами.

Но мужчина лишь хмыкает, никак не комментируя происходящего. А мое лицо заливают жгучая краска. Сквозь землю провалиться готова!

Пока развешиваю одежду, свитер то и дело задирается. Не такой уж он и длинный, как я на радостях подумала. Ловлю взгляд хозяина дома, направленный на мои оголенные бедра. Он смотрит без стеснения. Вообще не парится, как это выглядит со стороны. И это смущает еще больше. Я будто чувствую его власть надо мной. Точно так и должно быть.

Закипает чайник. Мужик кивает в сторону стола, и я усаживаюсь на стул. Передо мной ставится горячая кружка, порезанный хлеб, нож, пачка масла и отрез вареной колбасы.

– Ешь, – все, что говорит хозяин дома прежде, чем снова выйти на улицу.

Выдыхаю и оглядываюсь. Громила пока меня не трогает, и это хороший знак. По крайней мере, мне хочется в это верить.

Сию в основной комнате, отгороженной от подобия кухни тонкой деревянной перегородкой и здоровой печью с лежанкой. Здесь, кроме стола, нескольких стульев и шкафа, имеется и кровать. Одна единственная. И не сказать что широкая.

Вот это я влипла... Осознание происходящего и переполняющая жалость к себе набрасываются на меня со страшной силой. В глазах появляются слезы.

За окном завывает. Кажется, будто снаружи разверзся ледяной ад. Тихо потрескивают дрова в печи. Становится как жутко находиться в доме одной. Уже слипаются глаза. А ОН все не возвращается.

Теперь слезы становятся ощутимыми. Мне обидно и страшно. Чувствуя себя самой несчастной на свете, забираюсь на кровать. Забиваюсь в самый угол к стене, укутываясь сразу и одеялом и покрывалом. Скручиваюсь калачиком. Сознание проваливается.

Утро. Мы идем на другой конец деревни. Точнее, это ОН идет, а я еле тащусь следом. В безразмерных сапогах, внутри которых меха больше, чем в моей шубе, едва передвигаю ноги. В тулупе, которым меня можно раза четыре полностью обернуть, прячу руки и голову. На ней, кстати, меховая ушанка.

Выгляжу я смешно, вот только смеяться совсем не хочется. Радует сейчас лишь одно – громила выполнил обещание помочь с машиной.

Проснулась я, когда вновь услышала кипение чайника. Мужчина, снова оголенный до пояса, расставлял на стол продукты. По сильно примятому краю кровати, стало понятно, что он ночью спал рядом. От этой новости сердце пропускает удар. Кожу начинает печь. Он ведь такой громадный... Значит, всю ночь прижимался ко мне. Может быть, даже неприлично лапал... «Но вроде же все нормально?» – уверяю себя. Ничего плохого не случилось. И можно немного выдохнуть.

А после завтрака хозяин дома заставил меня одеваться в приготовленные вещи. Я не сопротивлялась. Просто не было смысла.

– Привет, мужики! – миновав не больше десятка домов, оказываемся в нужном месте. – Семеныч где? Нам трактор нужен.

– Да бухой Семеныч! – отзывается кто-то. – Теперь к ночи проспится, в лучшем случае.

Слышится резкий звук какого-то рабочего инструмента, и я сильнее кутаюсь в свое одеяние.

– А это у нас кто? – задает вопрос один из мужиков, когда жужжащий звук прекращается.

– Племянник. Погостить приехал, – сообщает мой спаситель, даже не взглянув в мою сторону.

– Не знал, что у тебя есть кто.

– Так что с трактором? – мой спутник никак не реагирует на последнее высказывание. А мне плевать, как меня называли. Лишь бы машину вернуть. Да побыстрее.

– Вчера не заводился. Ремонтировать надо.

Черт! Дурацкие новости.

– Там в углу сядь, – распоряжается гигант, теперь уже смиряя меня многозначительным взглядом.

Я исполняю, потому что вариантов больше нет. Да и раз мы не уходим, то выход есть. Я надеюсь... По крайней мере Цербер, если это конечно он, пока не узнал меня.

Сажусь на скамейку в том месте, где указано. Нос прячу в тулуп. Ммм... как пахнет! Притягательный мужской запах. С такого и одуреть недолго.

Чувствую, как начинает печь щеки, когда вспоминаю ночь, проведенную в постели с хозяином одежды.

Но из размышлений, которые должны быть паршивыми, но почему-то такими не являются, а, наоборот, рожают странный трепет в груди, меня выдергивает гул приближающегося транспорта.

Вглядываюсь вдаль, где по плотному снежному насту мчатся... снегоходы. На секунду в голове вспыхивает радость. Может, это люди отца? Нашли машину по маячку, а теперь ищут меня?

Но порадоваться не успеваю. Люди, заглянувшие на огонек – не шестерки отца. Их лица мне незнакомы. Поэтому предпочитаю не высовываться, сначала прощупать почву.

Прибывшие останавливаются совсем близко. Один из них слезает с «машины» и топает под навес. Очень крупный. Не меньше моего спасителя. А то и больше. Жуткое свирепое лицо, словно выточено из камня. В него бьет сильный ветер и колючий снег, а мужчина даже не морщится.

– Здорово, мужики! Бабу эту видали? Не забредала мелкая сучка в ваше село? – незнакомец выставляет перед собой телефон, что-то в нем показывая.

Глава 3

Ассоль

Не вижу, что именно показывает незнакомец на своем смартфоне. Вот только к горлу подбирается нехорошее предчувствие. У папы много врагов. Так всегда было. И глядя сейчас на этого мужика, что внушает ужаса гораздо больше, чем тот, кто спас меня, сомнений не остается – уроды ищут меня.

– Не видали, – отвечает кто-то из деревенских, даже не глядя на фото.

– А если подумать?! – напирает визитер. – Бабла отвалю, не пожалею. За любую инфу заплачу.

– Тебе же сказали, – слышится другой голос. – У нас тут два дома в три ряда. Баб чужих не водится.

Мне кажется, я даже не дышу. Сажу в углу и не подаю признаков жизни. Съежилась вся, нос опустила в ворот тулупа. Только глаза видно, и то на них сверху край шапки наваливается.

Ладони тоже прячу в рукава. В общем, пытаюсь прикинуться кучей старой одежды, сва-ленной тут по забывчивости.

Конечно, я не боюсь, что сельчане меня выдадут. Мой спаситель сказал, что я парень. Племянник или что-то такое. Те, вроде, поверили, и под сомнение слова соседа ставить не стали.

А вот он... Что мешает здоровяку сдать меня за приличную сумму? Сказать, что вот она я, забила в угол в мужском шмотье, и теперь могу провалить в теми мерзавцами, что ищут меня?

Мне кажется, мой страх даже можно почувствовать. Стоит бандюгам только приняться, как они заметят меня. Уловят подвох.

– Слышь, деревня, я пока по-хорошему спрашиваю. В следующий раз будет по-плохому, – ублюдочный главарь обнажает зубы. Кажется, угрозы доставляют ему истинное удовольствие. И, по-моему, он даже жаждет и предвкушает, что ему кто-то ответит грубо, чтобы иметь возможность насладиться болью несчастного.

Жутко попасть в лапы к такому.

Все это время мой спаситель стоит боком, чуть в стороне. Но когда он делает шаг в сторону незваных гостей, мое сердце перестает биться. Кровь в венах застывает, превращаясь в лед.

Вот сейчас. Сейчас он сдаст меня, сорвет свой куш и вернется прозябать в той развалюхе, что считается его домом. Если денег вообще дадут. Непохожи незнакомцы на тех, кто держит слово.

А мне что? Подорваться с места, пока не поздно? Броситься вглубь деревни?

В этой безразмерной одежде, меня догонят еще до того, как я выберусь из-под навеса. А если и успею, никто в этой глухой деревне не рискнет помочь мне.

Время будто останавливается, пока Цербер выходит из тени, останавливаясь перед незнакомцем. Теперь я все больше убеждаюсь, что это именно он. Спокойный. Уверенный в себе. Перед уродами на снегоходах не пасует, хотя в явном меньшинстве.

– Ну, привет, брат, – его голос, ровный и низкий разрезает окружающее пространство.

У меня пальцы на ногах холодеют. Желудок скручивается от дикого страха. Брат? Теперь мне точно конец!

Через тонкую полоску, что оставила себе для глаз, замечаю, как меняется лицо незнакомца. Как оно становится все более суровым. Жутким даже. Как опасность, что и так веяла от него, превращается в нечто осязаемое. То, что можно почувствовать физически. Потрогать. Пока она не сожрала тебя заживо.

Глаза мужчины сужаются.

– Сучий выблядок... – растягивает каждое слово. – Не сдох, падла!

– Проваливай отсюда, ... Девчонки здесь нет, тебе уже сказали. А будешь мужикам угрожать...

– Угрожаю я по-другому, тебе ли не знать?! – он сейчас на демона похож. Черный, злой. И эта ухмылка. Страшная...

Братья молчат, а воздух между ними заметно искрит. Огромные как буйволы. Они если сейчас накинута друг на друга, то выживет только один. Хотя и того в мясорубке до полусмерти провернет.

Цербер меня не сдает. Но напряженное молчание все равно не приносит облегчения.

– Если узнаю, что это ты Соловьевскую суку покрываешь – я заберу у тебя все... – сквозь зубы шипит незнакомец. – Даже твою никчемную жизнь.

Теперь не остается никаких сомнений, уроды пришли по мою душу. Разыскивают здесь. Мой отец Виктор Соловьев. Известный в криминальных кругах человек. Он всегда говорил, что я самая большая его ценность. И самая большая слабость. Что должна быть осторожной, ведь есть много желающих отомстить ему через меня.

Вот только откуда эти знают, где я должна быть. Даже примерно. Никто ведь не в курсе куда я ехала и зачем. В том числе папа.

– Зачем она тебе?

– Не твоё собачье дело.

– Тогда вали откуда пришел. Бабы твоей тут нет, – и снова не сдал. Слава Богу! Защищает. Оберегает. Вот только зачем?

Приезжий окидывает взглядом пространство. Сканирует каждый сантиметр. И я до ужаса боюсь, что мужик заметит меня. Обратит внимание на странный комочек, сжавшийся на скамейке.

Когда ловлю на себе его тяжелый взгляд, горло начинает драть от сухости, мгновенно образовавшейся там. Если во мне сейчас признают дочь Соловьева...

Незнакомец долго на мне не задерживается. И когда он отводит глаза, я чуть не сползаю с лавки прямо на утоптаный под моими ногами снег.

– Я не прощаюсь, мелкий ублюдок, – с презрением выдавливает.

Цербер ничего не отвечает.

– Если встретите девчонку, советую рассказать, – мужчина швыряет в снег какую-то бумажку. Визитку что ли?

Потом показывает своим парням рассредоточиться по разным сторонам от деревни, и сам усаживается на снегоход. А я глубоко вздыхаю.

– Ну че, трактор пойдем смотреть? – спрашивает пожилой мужчина.

– Планы поменялись, – слышу от хмурого бородача. Он поворачивается в мою сторону и долго разглядывает. – Трактор нам больше не нужен.

Глава 4

Ассоль

– Пойдем, – кивает в мою сторону.

Молча поднимаюсь со своего места. Воспротивиться не могу, не стоит деревенским слышать мой голос. Где гарантия, что и они меня не сдадут? Деньги здешним мужикам явно не помешают. И деньги не малые. Думаю, бандиты не поскупятся ради такого ценного трофея.

Поэтому мне приходится задавить все свое раздражение на ситуацию и человека, что обещал вытащить машину из снега, а теперь вдруг передумал, и идти за ним след в след.

И только когда мы оказываемся на достаточном расстоянии от навеса, где сидели работники, я подаю голос:

– Подождите! – выкрикиваю. Но это не заставляет мужчину даже чуть-чуть сбавить шаг. А, между прочем, на один его здоровенный шажище приходится два, а то и три моих.

– Да постойте вы! – без особой надежды повторяю, и он все же останавливается.

– Ты ведь умная девочка, Ассоль? – спрашивает. То, как он смотрит на меня теперь, вызывает головокружение.

И имя... Откуда он знает мое имя, я ведь не говорила. Значит, Цербер. Все же, он. И, еще вчера мне повезло – мужчина не знал, кто я. А теперь знает, благодаря брату.

– Не слышу! – смотрит прямо в глаза.

– Наверное... – неуверенно отвечаю.

Не то, чтобы я считала себя тупой, просто понять не могу, к чему этот великан клонит.

– Тогда молча идешь за мной, и не подаешь виду, что ты чертова баба! – не очень дружелюбно, и достаточно для того, чтобы мозги встали на место.

Мне не стоит разевать рта. Пока рядом со мной Цербер, я чувствую себя защищенной. Хотя не должна. Он не менее, а, может, даже более опасен чем те, что искали меня.

Домой меня теперь не отправят, и это все, о чем могу судить наиболее вероятно. Все остальное – какая-то дикая каша из мыслей. Страх, смешанный с адреналином и чем-то еще.

Мой отец ведь убил Цербера. Усыпил зверюгу, как он всегда говорил своим ребятам. «Чтобы другим было неповадно», – добавлял обычно при этом.

Но вот чудовище идет впереди меня, наверняка в голове прокручивает какой-то план по расправе или еще чего похуже. Ведь даже его брат, судя по всему, не знал, что Цербер жив. И это странно... Все очень и очень странно.

Его дом теперь не кажется мне приветливым теплым жилищем. Потому что страшно. Потому что желудок до сих пор крутит от болезненных спазмов.

И как только скрипучая дверь за нами захлопывается, мужчина дергает меня на себя, схватив за шиворот, придавливает к стене. Не успеваю даже вскрикнуть от неожиданности, как ко лбу прилоняется холодный металл ствола.

Теперь становится не до криков. За свои восемнадцать я много оружия повидала, и знаю, что в руках криминальных личностей это очень и очень опасная штука. Для большинства из них человеческая жизнь ничего не стоит. Даже для моего отца.

– Почему люди Валиевых ищут тебя здесь? – зло цедит. Наши лица очень близко, и я чувствую на своей коже его тяжелое горячее дыхание.

– Я... Я не знаю... – едва слышно. Громила своей игрушкой мне весь кислород передавил.

– Думай! – рычит. – Что ты забыла в этой глуши, Соловьева?

– Я... – стыдно признаться. Только сейчас понимаю, какой дурой была, и как глупо будет звучать мой ответ. По глазам Цербера вижу, что он начинает терять терпение. – Я к шаманке ехала.

Слезы обиды подбираются к глазам. Нет, это даже не страх. Просто какая-то глупая, нелепая смерть получится.

– К какой нахуй шаманке? – верзила не особо верит моим словам.

– Подруга посоветовала, – всхлипываю. Металлический предмет у черепушки будто раздирает кожу.

– Подруга? – хмыкает. – Кто еще знал, что ты тут? Батя без охраны отпустил? Не поверю, – оскал на лице мужчины пугает. Он стал почти таким же жутким, как у того ублюдка, что искал меня. Я даже замечаю некоторую похожесть в чертах их лиц.

– Нет, никто не знал... Никто... – мой и без того тихий голос превращается в шепот.

– Хорошая подруга у тебя, – цедит.

– Нет. Она не могла... – не так уж уверенно заявляю. Обдумать случившееся мне не дают.

– Ты спрашивала про татухи. Знаешь, кто я?

Молчу. Не выходит выдать из себя предположение.

– Знаешь? – более грубо. Дуло пистолета сильнее давит мне на лоб. Там теперь точно останется синяк.

– Цербер?! – вздрагиваю, сама пугаясь того, что только что произнесла.

– Угадала...

– Но ведь отец... Он сказал, что тебя убили... усмирили... – не знаю, почему говорю об этом. Наверное, мне нужны его объяснения. Только вот зачем?

Жизнь проносится перед глазами, когда вижу его улыбку, вдруг растянувшуюся на губах. Циничную усмешку, которая свойственна только таким людям – не имеющим ни страха, ни сочувствия, ни мук совести.

– Твой отец ошибся.

Мужчина вдруг отстраняется, и у меня будто здоровенная гора с плеч сваливается. Не убил, по крайней мере. А это уже хорошо. Мог бы всадить пулю, если бы захотел. Как и мог сдать меня своему брату. Как он там сказал? Валиевы? Пытаюсь вспомнить эту фамилию, но она ни о чем не говорит мне. Я никогда не вдавалась в подробности дел отца. Его кровавый бизнес мало меня интересует.

Сейчас же понятно лишь одно – из двух братьев, Цербер меньшее из зол. Поэтому я все же решаюсь спросить:

– Так что насчет моей машины? Вы сказали, что можете.

– А еще я сказал, что планы поменялись. У меня счеты с твоим отцом, девочка. И я намерен поквитаться.

Глава 5

Ассоль

– Жрать готовить умеешь? – неожиданно спрашивает меня громила, а я так и не успеваю прийти в себя после того, что пережила минуту назад.

Бурчу в ответ что-то невнятное. По мне точно катком прошлись. Еще утром я надеялась на спасение, на то, что вернусь домой. Еще десять минут назад я радовалась, что Цербер не сдал меня врагам отца. А на деле – оказалась в заложниках у человека, который тоже намерен с ним покончить.

– Умеешь, спрашиваю?!

Качаю головой, но думаю сейчас совсем о другом.

– Придется научиться. Сваргань что-нибудь. А мне прогуляться надо.

Не произнося больше ни слова, мужчина выходит из дома.

А я по стеночке оседаю на пол. Жуть какая...

У меня банально не получается собрать мысли в кучу. Такое чувство, что разумом я больше не управляю. Силюсь элементарно понять, что делать дальше, но не выходит ничего...

Страх то и дело подтягивает ко мне свои мерзкие щупальца, пока я не беру в руки всю силу духа, что еще остается где-то внутри, и не обрубаю их к чертям.

Чувство опасности колошматит в висках. А у меня будто второе дыхание открывается. Я найду выход! Найду! Или папа спасет меня. Соловей на все пойдет ради дочери! И этим ублюдкам не достанется ничего. Папа просто размажет уродов. Кишки выпустит.

А вот они меня не тронут. Ни Цербер, ни его хренов брат! Моя жизнь – способ давления на папу, и если кто-то из них попытается убить меня, то потеряет влияние на моего отца.

Это то, на что я надеюсь.

Собрав все силы, поднимаюсь с пола. Печка шпарит на всю. Слышу как трещат за дверцей поленья. В доме жарко, но я не спешу снимать тулуп и шапку. Мне нужно найти что-то, что поможет смыться. Что-нибудь. Что угодно. Например, ключи от моей машины. Где они вообще? Помню, что закрыла дверь, а потом? Понятия не имею, куда они делись.

Да и что это даст? Снега за ночь выпала месячная норма, а то и больше. Мой мерседес, поди, до самых стекол замело. Руками его что ли отгребать?

На глаза попадает беленькая баночка с таблетками. Зачем-то хватаю ее. Кручу в руках. Кажется, именно это принимал Цербер. Но что именно «это», понять не получается. На наркомана он непохож. Крепкий мужик. Здоровый. Выносливый очень, судя по всему. Значит, не наркота. А я нариксов в клубах повидала достаточно. Знаю, как это бывает.

Телефон. Еще у меня был телефон. Окидываю взглядом пространство. Нахожу свою сумочку. Бросаюсь к ней. Там и ключи и мобильный – все на месте. Только толку? Сети нет. Унылые точки вместо полосок связи. Про интернет вообще молчу.

Может, на улицу выйти? Выглядываю в окно. Там уже кружит легкий снег. Надеюсь, это не повлияет, и сеть поймать удастся. Мне бы хоть как-то папе маякнуть. На секунду вызова бы сети хватило...

Сжимаю в руке айфон, и бросаюсь к выходу. Как только могу высоко задираю трубку. Ушанка то и дело норовит сползти с головы.

– Ну, давай! Давай! – хнычу, но сеть так и не подает признаков жизни. – Чтoб тебя! Чтoб тебя! – кричу с разочарованием, напрочь забыв о том, что мне нужно скрываться.

В порыве эмоций хочу выбросить телефон в сугроб, но вовремя останавливаюсь. Замечаю прочищенное место вдоль дома. Оно идет к амбару (или как правильно такое называется?!). Непонятное строение. На гараж не похоже. Сарай, что ли?

Иду туда, в надежде найти что-то полезное. Ведь не просто так Цербер здесь чистит снег. Почему он вообще живет здесь? Ясно, что скрывается. Вот только почему тут? Есть ведь куча мест, куда он мог свалить. На Бали, например. На Кубу. Да хрен знает куда еще! А он выбрал эту глушь, где кроме как с местными алкашами и пообщаться не с кем.

Строение оказывается загороженным листьями фанеры. Огромными такими. Уцепляюсь за край одного из них. Пытаюсь сдвинуть с места.

– Блин! – бросаю вслух.

Прилагаю еще немножечко усилий. Рычу, чуть живот не надрывая. Мне нужно, жизненно необходимо узнать, что там внутри.

Фанера поддается, и у меня получается отодвинуть ее на пару сантиметров, чтобы заглянуть внутрь. Луч света, пробившийся вглубь строения падает на фару. Не успеваю даже понять, что за тачку прячет в «гараже» Цербер, как меня отвлекает голос неподалеку:

– Эй пацан, поди сюда! – мужик обращается явно ко мне, потому что поблизости больше никого нет.

Из меня будто весь дух вышибают одним ударом. В мужике я узнаю одного из тех, с кем приезжал в деревню брат Цербера. Значит, ублюдки все еще ищут меня.

Мигом срываюсь с места. Нутром чую, что там, по ту сторону этого низкого забора мне будет гораздо хуже, чем рядом с бородачом, что вытащил меня из бурана. Обогрел и приютил.

Я никогда еще не бегала так быстро. Даже про сапоги гуливерского размера забыла. Видела только цель – дверь в старый дом. Это мое спасение. Единственное, что может сейчас помочь.

– Сюда иди! – тем временем орет мне визитер. Не смотрю в его сторону, но понимаю, бандит движется на меня. Его голос все более отчетливый. И злой. Очень. – Куда пошел?!

Легкие обжигает огнем. Нога в огромном сапоге поскальзывается. С криком лечу на землю. Пальцами впиваюсь в снег, чтобы быстрее подняться.

– Стой, сука! – слышу в спину.

На автомате оборачиваюсь на голос. Замечаю, что горилла уже перескочил через забор и быстро приближается. Секунда-две, и схватит меня.

Быстрее! Быстрее!

Дверь на себя. Рывок. Хлопок. Защелка.

Мощный удар в дверь снаружи.

Шумное дыхание не дает толком успокоиться. Мне кажется, я задохнусь.

– Слышь, дверь открой! Не ссы, задам пару вопросов, и все! – как сквозь вату слышу мерзкий голос.

Мне еще никогда не было так страшно. Я еще никогда не ощущала себя настолько беспомощной, как сейчас.

Наваливаюсь на входную дверь всем телом, но вовсе не потому, что хочу как-то задержать уроды, долбящего в нее кулаками, а потому что мне не хватает сил просто сделать шаг вперед.

– Открывай, пока хату тебе нахер не спалил! – зло рычит незнакомец по ту сторону.

Глава 6

Ассоль

– Я сейчас, сучонок, окно выбью и залезу к тебе в гости. Пожалеешь, что не открыл.

Мужик за дверью не успокаивается. И я то и дело слышу удары о ее полотно. Боюсь шевельнуться. Даже просто вдох сделать.

Если Цербер под своей личиной еще имеет какой-то оплот цивилизованности, то этот мужик за дверью – обычный цепной пес. Злой и бескомпромиссный. Дворняга, возмнившая, что имеет в руках власть. Беспредельщик с улицы.

Кошмар. Сон наяву. Надо же было так вляпаться! Только я могла попасть в подобную передрыгу. Вот только верить, что меня предала подруга не хочется. Кто угодно, но не она.

А Цербер? Когда он вернется? Куда он вообще свалил?

Очередной удар о дверь, но какой-то странный. Более мощный. Меня от него пошатывает вместе с отпружинившей древесиной, а с той стороны слышится мужской стон.

– Сука... – хрипит незнакомец.

Ему больно. Это все, что получается понять.

– Не люблю незваных гостей, – голос Цербера обдает меня облегчением. То же самое он сказал мне в нашу первую встречу.

– Ты хоть знаешь, против кого прешь? – с ненавистью выдавливает из себя шакал, напавший на меня.

Следом новый мощный удар заставляет дверь сотрястись. И меня вместе с ней. Подскакиваю на ноги и теперь делаю шаг назад, вглубь дома.

– Ответ понятен? – Цербер звучит ровно, будто это не он только что со всей дури впечатывал человека в дверь.

– Сука... – снова выплевывает незнакомец и, кажется, его туша опадает на деревянное крыльцо.

– Передай Сабиру, что я выпущу кишки любому, кто приблизится к моему дому.

– Ты еще пожалеешь, – слышится в ответ. Но мужик все же, судя по звукам, сгребает свои кости с крыльца. – Если баба у тебя...

– Проваливай отсюда! Пока я твой собственный член тебе же в глотку не запихал.

Звучит угрожающе и... я бы испугалась.

Мужик, похоже, тоже принимает верное решение. Его перестает быть слышно.

– Открывай! – грозно, как зверь.

А я прилипаю к месту, и стою, почему-то раздумывая, стоит ли впускать мужчину в дом. Хотя, конечно, прекрасно понимаю, старая дверь не станет Церберу преградой.

– Ты там сдохла что ли? – с раздражением спрашивает.

И тут решаю все же отодвинуть щеколду от греха подальше.

Дверь распаивается, и я оказываюсь лицом к лицу перед Цербером. Громадным и разъяренным.

– Зачем на улицу выходила? – рычит он на меня.

– Я... – не могу найти оправдания.

Мужчина изучает меня цепким взглядом. Нагло осматривает. И я невольно замолкаю. Слова вымолвить не в силах.

– Люди Сабира теперь долго не свалят. Он привык добиваться своего. И лучше тебе понять это как можно скорее. Ведь в другой раз я могу не успеть, маленькая...

Цербер делает ударение на последнем слове. Оно звучит из его уст так... даже не знаю. Но у меня от этого начинает сосать под ложечкой. Чувствую, как бандит затягивает на моем горле невидимую петлю, сгущая краски вокруг произошедшего.

Входная дверь захлопывается, и мы оказываемся абсолютно одни в замкнутом пространстве. Дом слишком маленький. И мы с громилой здесь наедине.

– Жрать, конечно, не приготовила, – констатирует. – Ты ведь только и умеешь проблемы создавать, да, Ассоль?

– Так отпусти меня, – перехожу на «ты», набираясь, наконец, уверенности. За правое дело стой смело, или как там?!

Цербер задумывается. Могу различить это по его напряженному лицу.

– Чем ты лучше этих ублюдков? Ты ведь тоже решил использовать меня, когда узнал о том, кто я.

Мужчина никак не реагирует на мое умоЗАКЛЮЧЕНИЕ. Он стягивает с крупного тела тулуп, вешает его возле двери на гвоздик, оставаясь только в клетчатой рубаше и джинсах. Я же стою при полном параде. Даже в шапке.

Мой взгляд снова цепляется за ужасающие медвежьи лапы на кистях Цербера. Мне кажется, он и сам такой, не менее устрашающий и сильный, чем этот лютый зверь, способный только мощными лапами и зубами задрать противника насмерть.

Хозяин дома предпочитает игнорировать мои вопросы. Ему просто напросто плевать на то, что я думаю по поводу всего, что происходит рядом с нами.

Он проверяет печь, шебарша там кочергой, а затем усаживается на стул за столом. Принимает вальяжную позу: широко раскидывает ноги и откидывается на спинку.

– Мой отец... – начинаю, но Цербер перебивает меня.

– Соловьев Виктор Назарович, я в курсе.

– Я хотела сказать... Ты ведь представляешь, кто мой отец, и на что способен. Он не позволит тебе принудить меня, сделать... хоть что-то.

Хожу по тонкому льду. Он уже трескается у меня под ногами, и я отчетливо это ощущаю. Одно неверное движение – и я уйду на глубину. И мне бы замолчать, не дергать тигра за усы. Но я дергаю.

– И что, по-твоему, я намерен с тобой сделать?

– Изнасиловать?! – не особенно уверено произношу то, что первое приходит в голову.

А приходит, почему-то, именно это. Бугай ведь правда может сделать такое со мной. Сколько он уже тут живет? В глуши. Наверняка, изголодался по женскому телу.

Вот только в ответ мне слышится громкий мужской хохот. Цербер заливисто смеется. Впервые вижу на его вечно хмуром лице какое-то подобие довольства. И у меня от этого смеха в горле наливается свинцовый ком.

– Думаешь, мне придется тебя насиловать? – с издевкой.

– Что? – выгибаю бровь от непонимания.

– Я женщин не насирую. Сами просят. И нужную дырку подставляют, – говорит буднично, точно в этом нет ничего такого.

– Я не стану так делать! – уверенно заявляю. Хотя и понимаю, как странно на меня действует этот мужчина. Как приятно ощущать его запах, принесенный с улицы, чувствовать близость.

– А дрожишь так, будто только и ждешь, что вгоню тебе. Сама этого хочешь?!

Слова Цербера вгоняют меня в краску. Вызывают на спине волну мурашек. Колких как спицы. Да у меня же против этого верзилы никаких шансов – ни дернуться, ни шелохнуться.

Пытаюсь принять более расслабленную позу, но не выходит. Ноги дрожат и подгибаются.

– Ты не прикоснешься ко мне! Даже не пытайся! – выпаливаю, понимая, как, должно быть, забавно это звучит из моих уст.

– Думаешь, мне на это нужно будет специальное разрешение? Благословение от папаши? – произносит вполне серьезно.

У меня в этот момент в мозгу переключивается. Понимаю, что бессильна. Впервые за все время, что нахожусь здесь, отдаю себе в этот отчет. Церберу не понадобится разрешение, чтобы поймать меня. И от осознания начинает сосать под ложечкой.

– А, знаешь, что?! – стараюсь не показывать страха. С ним только так можно. Если почует, что боюсь – я обречена. – Я просто сбегу от тебя. Ты ведь то и дело уходишь куда-то. Что мне мешает?!

Моя грудь часто вздымается. Я жду, что сейчас верзила снова рассмеется и скажет, что игры кончились. Но этого не происходит. Вместо того Цербер выдает:

– Можешь валить прямо сейчас, – говорит спокойно, ровно, расслабленно. Точно уверен, что я не посмею и шага сделать за пределы его допотопной хижины.

– Да?! – зачем-то уточняю.

– Да. Если мозгов совсем нет.

– А вот и пойду! – Выкуси, урод! Я отбрасываю вообще весь здравый смысл. По-моему, в крови резко подскакивает адреналин – настолько возбужденной и всецельной я себя чувствую.

Глава 7

Ассоль

Выхожу из домика прямо в чем была. Хорошо, что так и не успела раздеться. У меня внутри все так трясется и пульсирует, что я почти не соображаю, что делаю.

Морозный воздух тут же хватается за разгоряченные щеки. Я сбегая по ступенькам, делаю несколько шагов в сторону калитки. Потом вдруг решаю вернуться. У Цербера осталась моя шуба. Очень дорогая, кстати, так почему я должна менять ее на его драный тулуп?!

Когда вновь распахиваю дверь дома, замечаю, что мужчина все так же сидит за столом, даже не меняя своего положения. С издевкой наблюдает за спектаклем одного актера.

Я тоже молча сбрасываю с плеч его тулуп, прямо на пол. А потом хватаю с кресла свою короткую шубку. Надеваю на себя. Мельком улавливаю взгляд Цербера. Тот становится недовольным. Чем интересно? Шубку мою уже оценил? Продать хотел? Обойдешься, ублюдок!

Сапоги решаю оставить. На улице столько снега, что в мои угги он забьется еще до того, как к лесу выйду. Господи, я правда на это решилась? Одной пойти к машине? Я ведь даже не знаю, где она!

Но пока в крови бурлит адреналин, я не чувствую страха. Мне кажется, что получится все – горы сверну, в горящую избу войду – что там еще полагается в таких случаях?

Как только выхожу за калитку, срываюсь на бег. Выбираю сторону из которой, вроде бы, мы пришли вчера, и кидаюсь туда, прямо в лес. Без мыслей. Без чувств. Внутри живет лишь одно желание – спастись, вернуться домой под защиту отца. Наверняка, папа уже ищет меня, весь город на уши поднял.

Сердце бешено стучит. Мне кажется, оно везде. В каждой венке ощущаю пульсацию от его мощных быстрых ударов. Пульс становится безумным. Я и сама безумная. Пробираюсь между деревьев, утопаю в сугробах, но иду дальше. Только вперед.

Активно жестикулирую руками, дышу глубоко, толчки крови в висках все больше давят. Я никогда еще не была настолько на взводе. Когда энергия берется непонятно откуда, и ты не соображаешь, что делаешь.

Я даже шанса не оставляю на то, что могу заблудиться, на то, что меня поймают люди Валиевых, что Цербер вовсе не собирался отпускать меня, и следует сейчас по пятам, чтобы вернуть.

Задыхаюсь от каждого шороха, что слышится рядом. Веду себя как дикарка, сбежавшая из психушки. Оглядываюсь, останавливаюсь. Все время чую преследование. Но никого нет. Шумит только моя кровь и птицы над головой.

Рук уже почти не чувствую. Перчаток у меня нет, а из-за глубоких сугробов я уже несколько раз окунула кисти в снег.

Время перестает существовать. Я его не ощущаю. Сколько прошло?! Минуты? Часы? Не определить. Я уже забываю зачем и куда иду, потому меня неожиданно и очень глубоко бросает в колодезь страха. Там темно и жутко и промозгло. Почти так же холодно моим ногам, на которых давно покалывает пальцы.

Границы пространства начинают исчезать. Трудно понять, где я вообще нахожусь. Вокруг только мерзкий, ледяной снег, в котором я, кажется, тону все больше, и уродливые деревья, тянущие ко мне свои корявые лапы.

Силы покидают меня резко. И я буквально проваливаюсь в снежный сугроб. Слеза жжет кожу на щеке. Все тело тяжелое. Я просто не смогла дальше тащить себя. Шубу, что стала влажной и неподъемной. Ноги, которые отказывались слушаться.

До машины я так и не дошла. Да я была обречена с самого начала. И Цербер об этом знал... Он ведь предупреждал, да?!

– Да пошел ты! – кричу, но меня не слышно.

Над головой кружат макушки деревьев.

Обессилено закрываю глаза. Какая же я дура! Заблудилась. А ведь это было ясно с самого начала. И я просто не соображала, что делаю. А Цербер, он должен был остановить меня, задержать. Пусть даже силой. Но он не стал. Может, в этом и был его план. Зуб за зуб, глаз за глаз – моя жизнь за его.

От холода и снежной влаги не могу пошевелиться, продрогла вся. Я бы рада сейчас встать и пойти дальше, но руки и ноги налились свинцом и не слушаются.

Еще какое-то время нахожусь в сознания, трясясь от страха и глотая слезы. Не знаю сколько. Вечность. А потом оно точно гаснет. Мир перед глазами медленно плывет. Как на карусели.

– Слышишь меня?! – говорит кто-то как сквозь вату. И я улыбаюсь, услышав знакомый голос.

Неужели, спасена? Или это дорога на тот свет?

Глава 8

Ассоль

Сильные руки вытаскивают меня из сугроба. На этот раз Цербер снова не церемонится, закидывает меня на плечо как мешок. И я безвольно на нем повисаю.

Сил нет. Я даже радоваться не могу тому, что меня спасли. Думала, все – света белого больше не увижу. Но нет, вот он лучик замаячил где-то впереди. Вот только спасение ли это? Цербер же оставил меня у себя не просто так, и сейчас не дал сдохнуть со злым умыслом.

А еще... он специально позволил мне уйти. Разрешил, чтобы я убедилась в своей беспомощности и безвыходности ситуации. Это все его план. Жуткий. Отвратительный план, от которого теперь я ног не чувствую.

И все это время, что я пыталась сбежать от него, зверюга шел следом. Только и ждал момента, когда я сдамся, так и не взбив молоко в масло.

Трястись на плече очень неудобно, но все же лучше, чем самой преодолевать снежные препятствия. Тихо поскуливаю себе под нос, но выбраться не пытаюсь. Нет смысла. Цербер не отпустит меня, пока не добьется цели, о которой я ничего не знаю.

Зато знаю как отец его ценил. За жестокость и безупречное исполнение приказов. И, наверное, я еще успею познать все незavidные грани его личности.

С другой стороны, его брат пугает меня гораздо больше, и если попадусь в его лапы...

Цербер доносит меня до своего дома. Снова. Я опять вернулась туда, откуда старательно пыталась удрать через лесную чащу. Мужчина сваливает меня на кресло, промокшую и замерзшую. И я остаюсь прямо в той позе, в которую он меня усадил. Потому что пошевелиться не могу. Ни ног, ни рук не чувствую. Только зубы стучат от холода. Что бы не намерилась сделать со мной сейчас здоровенная детина, сопротивляться не получится.

Мужчина сбрасывает тулуп, вешает его около двери на привычное место. Стягивает с ног высокие унты. В этом всем он был похож на варвара. Здоровенного. Злющего. Вся жизнь которого проходит в завоеваниях. И сейчас он тоже намерен завоевывать... меня.

Внутренне сжимаюсь, когда Цербер снова оказывается рядом. Расстёгивает мою мокрую от снега шубу. Кривится. Бросает ее прямо на пол. Туда же летят безразмерные сапоги, штаны и высокие носки, которые он дал мне еще вчера.

Все это происходит молча. Бандиту явно не по душе возиться со мной, но он делает это. Крутит меня как куклу, чтобы избавить от промокших вещей, затем снова подхватывает на руки и несет на кровать.

Я уже надеюсь скорее нырнуть под одеяло. Плевать даже, что в логове врага, но мне просто необходимо согреться.

– Куда? – рычит Цербер, замечая, как я осторожно тяну пальцы к краешку одеяла.

Замираю, ничего не понимая, а он откидывает одеяло в сторону и протягивает ко мне свои руки, чтобы освободить от остатков одежды. Рубашку в районе пуговиц просто разрывает. Пластиковые кругляшки разлетаются куда-то в стороны.

И я задыхаюсь, когда ощущаю его сильные пальцы в районе резинки трусиков. Это же... Это же...

– Нет, пожалуйста... – шепчут мои губы, но звука будто нет.

Секунда, и я уже свечу перед малознакомым мужиком своей гладкой нетронутой киской. И я бы отбилась, сопротивлялась, но конечности до сих пор сводит от холода, настолько промерзли.

А Цербер не останавливается. Пока не оставляет меня полностью обнаженной.

Пытаюсь приподняться, но тщетно. Да и куда бежать?! Сегодня мне наглядно показали, что рыпаться не стоит. Как и думать, что громиле, возвышающемуся сейчас надо мной нужно

специально разрешение о доступе к моему телу. Он возьмет свое все равно. Просто потому что хочет.

И я должна испугаться. Заорать от ужаса. Показать, что не хочу, что боюсь! Но я лишь хлопаю глазами, наблюдая за тем, как оголив меня полностью, «медвежьи лапы» начинают раздевать самого Цербера.

И на что я еще надеюсь? На то, что сжалится? Так в сказки давно не верю, не в той семье родилась.

Сердце становится бешеным. Гремит в груди, а будто в самом горле содрогается. Я зажмуриваюсь, когда мужчина стягивает с тебя последний клочок ткани – боксеры. Не хочу видеть его голым! Нет! Не хочу!

Или хочу? Хочу? Я хочу посмотреть?

Тяжелые движения, и кровать скрипит под его мощным телом. Чувствую, как оно горячо, и как этот жар потихоньку касается моего тела, пока меня совсем не прожигает от этой близости, пока Цербер не впечатывает меня в свое раскаленное туловище.

И я вскрикиваю, но мой крик тут же утопает в мягкости одеяла, которое накрывает нас сверху.

Ноги и руки начинает покалывать. Сначала едва ощутимо, а потом очень сильно. Я буквально чувствую, как жизнь возвращается в мои омертвевшие на морозе конечности. Цербер делится со мной своим теплом. Согревает, буквально укутав собой.

Я открываю глаза. На секундочку. И встречаюсь в нем взглядом. И тут же будто лечу в пропасть его горящих глаз. В свободном полете захватывает дух. И теперь меня снова трясет. Но на этот раз не от холода. И по мере того, как мое ледяное тело становится теплее, меня бросает в другую крайность. В жуткий жар, что уже пустил свои горячие языки где-то в моей груди. И я пытаюсь отстраниться, но лишь сильнее упираюсь в литые мускулы.

А ведь Цербер даже ничего не делает. Просто прижимает меня. Согревает собой. Я сама выдумываю все остальное в своей голове. В ярких красках представляю.

Тепло, о котором я так долго мечтала в лесу, буквально сводит меня с ума. Я все же сдаюсь, расслабляюсь в этой неге, придаваясь ощущениям полностью. Дурные мысли исчезают, остается лишь невнятная каша. И мне хорошо... Черт возьми, как мне хорошо!

А потом начинаю чувствовать, как где-то в районе моего живота пульсирует раскаленная дубина, плотно вжимаясь в меня.

Глава 9

Ассоль

Пытаюсь отстраниться. Мне это как воздух нужно. Чувствовать, как в тебя упирается возбужденная мужская плоть, невыносимо. Для меня это... слишком.

– Куда? – дергает на себя. Резко. Будто ни с женщиной обращается. У меня аж кости хрустят. – Лежи. Грейся. Мне не надо, чтобы ты тут коньки отбросила.

И вот я снова вдавлена в мускулистое тело. Крепкое настолько, что сложно поверить, настоящее ли оно. Только на этот раз Цербер откидывает мою ногу так, что его твердое как камень бедро оказывается между моих ног. У того самого места. И когда я прижимаюсь к нему жаркой плотью, внутри что-то сжимается. Что-то такое, чего я раньше никогда не испытывала.

Рвано дергаюсь. Выпутаться хочу. Но не выходит. При каждом движении мои складочки трутся о его обнаженную ногу. И там всякий раз разливается порочное тепло. Я буквально чувствую, как оно загорается на нежных губках, а потом попадает в кровь, распространяясь по всему телу.

Щеки горят огнем. Пылают так, что блины пожарить можно. Я в жизни такого стыда не испытывала. И такого постыдного неожиданного влечения тоже.

Чувствую его широкую ладонь на моей спине. Как она ползет по ней сначала медленно, а потом все более жадно. С нажимом. Не проходит и пары секунд, как Цербер уже без стеснения мнет мое тело. А я отчего-то больше не сопротивляюсь.

Почему-то только сейчас вспоминаю своего парня. Молоденького красавчика, с которым познакомилась на студенческой вечеринке. Все было классно. Мы заботились друг о друге, гуляли, вот только до того самого не доходило. Я ведь отлично знаю отца – он бы Кириллу яйца оторвал, если бы только узнал, что мы трахаемся. И я хотела оттянуть этот момент. Защитить. Не переводить наши прекрасные отношения в горизонтальную плоскость.

А Кирилл не оценил моих стараний. Неделию назад я сняла его с какой-то сисястой бабы. А теперь что? Лежу рядом с голым мужиком вдвое старше меня. Сильным. Горячим. Могучим. И цепенею от его присутствия. Позволяю трогать себя и ловлю кайф оттого, как бесстыдно прижимаюсь к чужому телу своей киской.

А его руки клеймят меня своими касаниями. Руки, которые убивали людей, крошили зубы, возможно, даже вырывали чужие сердца. А теперь сжимают мое трепещущее, едва согревшееся тело.

Разве такого бандита можно захотеть? Самой пожелать под ним оказаться? Чтобы продрал все внутри своей дубиной, которая, все еще прижимается ко мне и, кажется, раздувается все больше и горячее?

Становится так жутко, что я замираю. Меня сжимает параличом. Спина до боли выгибается в пояснице. Я как представляю, что за мясник передо мной, и какая я хрупкая и беззащитная перед ним, так в глазах темнеет.

Но я же не собираюсь... не собираюсь с ним спать. Смешно звучит даже в моей голове. Цербер ведь не станет меня спрашивать. Возьмет. Силой на себя насадит, если потребуется. Он так и сказал. С самого начала. Что разрешение не нужно, и что женщины сами... сами его член хотят. Безумие какое-то!

Но все вдруг прекращается. Цербер ослабляет захват, и я вопреки всему, теперь чувствую разочарование. Мужчина поднимается с кровати, а я так и остаюсь лежать. Кутаюсь в одеяло, медленно возвращая себе самообладание и контроль над телом. После чего то, что происходило, кажется еще более безумным. Противоприродным. Я и Цербер. Голые. Совсем. И я почти повелась на эту неприличную близость. Как лохушка последняя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.